

Кулясова А.А. Искушение полем. // Уйти, чтобы остаться: социолог в поле. Ред. В. Воронков, Е. Чикадзе. СПб: Алетейя. 2009. с. 114-117.

Искушение полем

Наша группа готовилась к экспедиции в экопоселение «Тиберкуль» [далее Тиберкуль - А.К.]¹. Процесс осложнялся тем, что у нас не было ни почтового адреса, ни номеров телефонов поселения - обычная проблема исследования труднодоступных мест с плохо развитой системой коммуникации. Однако мы знали, что Тиберкуль состоит из верующих Церкви Последнего Завета, община которой есть в Санкт-Петербурге, и обратились к ее лидерам за помощью. Они дали нам необходимую информацию и связали с людьми, побывавшими в Тиберкуле, которые объяснили нам, как лучше ехать, что брать с собой, к кому обращаться. Кроме того, нас попросили отвезти коробку церковных свечей и кое-какие мелочи для тамошних жителей. Это поручение демонстрировало доверие к нам лидеров городской общины и позволило ехать в Сибирь не как «чужакам».

Тиберкуль находится в Красноярском крае, и добираться поездом от Петербурга до станции назначения нужно пять суток. Денег на исследование было мало, и нам пришлось ехать в плацкартном вагоне. Это было вдвойне тяжело потому, что я вынуждена была взять с собой полуторагодовалую дочь, которую все еще кормила грудью. Путешествие в плацкартном вагоне имеет для социолога и определенные преимущества. Попутчики постоянно менялись, интересно было наблюдать за ними, зачастую, разговорившись, можно было узнать кое-что о том экопоселении, куда мы ехали². Обычно нам выдавали информацию, почерпнутую из СМИ или слухов, но у некоторых наших попутчиков были там родственники или знакомые. Такие разговоры давали нам представление о том, что думают «обычные» люди о Тиберкуле.

Когда мы приехали на место, нас поселили в летнем домике с печкой, хотя было начало ноября и уже лежал снег. Для местных жителей такие условия считались вполне нормальными, поскольку многие еще жили в па латках, вагончиках или времянках, строя новые дома. Однако для нас это стало испытанием, особенно из-за дочери. В домике было тепло, только когда топились печка. К утру же наше жилище выстывало до нуля градусов. Мы спали на низком диване без ножек, от которого несло псиной: до нас там обитали три хозяйские собаки. Мы прожили в этом домике несколько дней в начале и в конце экспедиции.

Тиберкуль (а это несколько деревень и Город на Горе, главный поселок экопоселенцев) разбросан на значительной территории, и мы должны были переезжать с места на место. Поскольку с нами был ребенок, то нас

¹ Экопоселения представляют собой сообщества людей, проживающих в сельской местности и ведущих альтернативный образ жизни, «дружественный окружающей среде»). Они стали создаваться на Западе в 1960-1970-е гг. и в России в конце 1980-х - начале 1990-х гг. по инициативе глубинных экологов. Глубинная экология (deep ecology) - направление философско-этической мысли, в котором человек рассматривается в ряду других живых существ как равный и не более значимый. Это направление противоположно антропоцентризму.

² То, что многие знали об экопоселении Тиберкуль, связано не только с его масштабами (там живет несколько тысяч человек из разных городов России, ближнего и дальнего зарубежья) - о Тиберкуле и его лидере, о религиозной направленности экопоселения не раз шли передачи по центральному телевидению и радио, публиковались статьи в газетах и информация в Интернете.

подвозили на машинах и даже усаживали в кабину, в то время как местные жители или шли пешком по 25 и более километров или ехали в кузове грузовых машин. Когда мы в следующий раз, уже без дочери, приехали в Тиберкуль, то нам пришлось путешествовать как всем. Вместе с другими пассажирами мы в пятнадцатиградусный мороз отправились в Город на Горе в кузове грузовика. И хотя все укрылись тентом, было очень холодно. Через час, в следующей деревне, к нам подсели еще десятка два человек с козами. На меня улеглась коза, и стало значительно теплее. В оба приезда нам пришлось подниматься 12 километров в Город на Горе по пешеходной тропе, поскольку другого пути туда нет.

Условия были для меня очень тяжелыми. Мне приходилось думать не только об исследовании, но и заботиться о дочери. Однако моя маленькая дочь стойко вынесла нашу экспедицию и даже часто нам помогала.

Еще одной проблемой оказалось питание. Жители Тиберкуля придерживаются веганства³. Формально на нас это правило не распространялось, но мы не хотели создавать лишних барьеров. Кроме того, мы хотели опробовать на себе новый способ питания. Сразу отмечу, что все три исследователя нашей группы имели уже опыт вегетарианства, и это облегчало адаптацию к веганской пище. Но мы все равно испытывали некоторый дискомфорт из-за однообразия еды.

Во время работы в поле я заметила, что подчас всего одна фраза может стать, как я это называю, «ключом к доверию», который помогает установить контакт с информантами. Таким ключом может стать общий опыт – «прохождение испытаний». Во время исследования экопоселений в Горном Алтае информанты, прежде чем отвечать на вопросы, спрашивали нас: «А вы уже побывали в горах?» Опыт, приобретенный в горах, высоко ценился, рассматривался как некий допуск к пониманию ситуации в Горном Алтае. В двух других случаях из нашей практики - в исследованиях на Северном Кавказе и в Вологодской области - ключом к доверию послужила общая для информантов и одного из исследователей родина. Такие «ключи» применяются интуитивно, и только по прошествии времени их начинают использовать сознательно.

При исследовании Тиберкуля таким ключом к доверию стала моя полутораговая дочь. Информанты проникались уважением к социологам, которые не только сами пере носили тяготы экспедиции, но и делили их с маленьким ребенком. Это означало, что исследователи пришли к ним не как отстраненные ученые, а как заинтересованные и дружественные люди, тем более что в СМИ часто писали о Тиберкуле как о секте и представляли экопоселение как «опасное» место. То, что с нами была моя дочь, помогало нам во многих ситуациях (например, в описанных выше перемещениях из одного поселка в другой). Ради нас нарушали даже некоторые формальные правила, например, нас оставили на несколько ночей в Городе на Горе, что было не принято. Для нас сделали исключение, понимая, что с ребенком очень трудно за один день проделать путь в 12 километров по горной заснеженной тропе, а на следующий день спуститься той же дорогой.

Мне пришлось специализироваться на интервью с женщинами, поскольку нередко приходилось кормить дочь грудью прямо в процессе

³ При веганском питании из рациона исключаются не только мясо и рыба, но также яйца, сахар и сладости, дрожжевой хлеб и изделия из пшеничной муки, консервы, не употребляются алкогольные напитки, ограничивается употребление растительного масла, а молоко и кисломолочные продукты допускаются в ограниченном количестве только детям, беременным и ослабленным людям.

интервьюирования. С другой стороны, это создавало непринужденную обстановку и помогало вести более откровенный разговор, свободно беседовать о гендерных отношениях, о практике домашних родов, принятой в экопоселении, и многом другом. Однако когда возникала необходимость в официальных встречах, присутствие ребенка могло помешать. Так, во время беседы нашей исследовательской группы с духовным учителем Тиберкуля Виссарионом мне пришлось оставить дочь на попечение его жены.

Местные жители часто оценивают поведение исследователя с точки зрения принятых здесь норм поведения. В Тиберкуле все административные посты занимали мужчины, мужское доминирование было там нормой. В нашей группе был единственный мужчина, и, естественно, именно к нему в первую очередь обращались местные. Для того чтобы не создавать неловких ситуаций, мы представили его руководителем, тогда как в действительности экспедицию возглавляла женщина.

Мы не хотели выделяться, поэтому я и другие участницы наших экспедиций, как все местные женщины, носили длинные юбки. Собственно, мне это не доставляло неудобства, поскольку я и раньше часто так одевалась, хотя и не в походных условиях. После подъема в Город на Горе я поняла, что носить длинные широкие юбки всегда удобно, поскольку в них теплее и комфортнее. Теперь я практически не ношу брюки, более того, чувствую себя в них дискомфортно. Со временем меня переставали воспринимать как исследователя. Если мое поведение, речь и образ были близки информантам, то на меня начинали смотреть или как на одного из потенциальных экопоселенцев или как на гостя-друга. Если я много рассказывала о моих экспедициях в другие экопоселения и демонстрировала знание сельской жизни, то на меня смотрели как на жителя другого экопоселения, который имеет полезный опыт и у которого можно попросить совета.

Погружаясь в поле, я старалась увидеть мир глазами своих информантов. Они же представляли его полным опасностей, стоящим на пороге экологической и социальной катастроф. Жизнь в городах виделась им как минимум негармоничной. Я получала массу информации о различных духовных идеях и представлениях. Как исследователь я старалась беспристрастно описать свои наблюдения, но как обыватель не могла избежать влияния тех или иных взглядов и верований информантов. Нет, информанты не навязывали нам свои представления, по крайней мере, явно. Но я чувствовала, что уже просто не могу слышать про духовные учения, составляющие основу их мировоззрения. Мне приходилось подавлять внутренний протест, стараться не вступать в полемику и не давать оценок. В тех же случаях, когда мое собственное мировосприятие, мой жизненный опыт сближались со взглядами информантов, мне было сложно сохранять беспристрастность и надо было прилагать усилия уже для того, чтобы не раствориться в поле. Подчас я с трудом заставляла себя делать записи в дневнике наблюдений, так как ощущала «никчемность и суетность» этих действий. Я поняла, что означает фраза «исследователь не вернулся из поля». Даже по прошествии нескольких лет я продолжаю глубоко переживать увиденное в Тиберкуле, пытаюсь переосмыслить свою жизнь. Это исследование стало для меня серьезным испытанием. Я включила в свою жизнь некоторые практики, о которых узнала в экспедиции, мои представления о жизни обогатились новыми идеями, почерпнутыми у моих информантов. Начиная новые исследования, я теперь не могу быть уверена, что «вернусь» из поля.

Опыт исследований экопоселений ставит передо мной и моими

коллегами серьезную методологическую проблему. С одной стороны, мы, будучи специалистами в вопросах социальной экологии и участниками экологического движения, не можем игнорировать тот факт, что наши информанты оставляют без внимания вопросы внешней экологии. С другой стороны, будучи социологами, мы должны минимизировать влияние нашего «вторжения в поле» на жизнь наших информантов. Имеем ли мы право действовать акционистскими методами: стимулировать дискуссию, объяснять свои взгляды, делиться знаниями о международном опыте экопоселений и экологического движения? Этот вопрос снова и снова встает перед нами, и мы не всегда уверены в правомерности того или иного решения.